

Старый дьячек снова заглянул в алтарь и, пораженный видом о. Григория, растерянно зашептал:

— Литургию... Пора-литургию!

Глаза о. Григория не мигали и, застланные слезой, смотрели еще более тускло.

А. Жиляков.

В степной деревне.

Картинка с натуры.

Огненный шар солнца повис над степью и заливает ее горячим, ярким блеском.

На широкой деревенской площади мертво.

Редко-редко вывернется из-за новой, свежее-окрашенной в светло-голубой цвет церкви человек и лениво пройдет до лавочки или до поповского дома. Только пять-шесть задумчивых коров не сходят с площади и медленно пощипывают низенькую, сыроватую степную травку; да в сторонке деловито работают свиньи.

Вечером оживет площадь. Со всех сторон потянутся по ней к общественной «молоканке» мужики и бабы с ведрами молока на коромыслах. Зарычат в «молоканке» сепараторы, и пойдет около нее гомон, говор, шутки и брань, девичьи смехи и разудалая гармоника.

Но все это будет вечером; а днем площадь пустынна. И сонно глядят на пустую площадь окна рядком стоящих домов священника и дьякона; и так-же сонно глядит с другой стороны из палисадника, дом деревенского купца...

Но вот в палисаднике перед купеческим домом начинается движение. Через открывшуюся «парадную» дверь несут стол. Накрывают его скатертью. Нагружают самоваром и чайной посудой. По случаю хорошей погоды купеческое семейство пьет чай на вольном воздухе.

Из молчаливого дьяконского домика зоркий глаз отца дьякона давно уже наблюдает все эти приготовления. И как только в палисаднике садятся за стол, в дьяконском домике открывается окно, и площадь оглашается невообразимым ревом и карканьем.

Это отец дьякон поставил на своем граммофоне «марш под двуглавым орлом».

Надо ответить отцу дьякону любезностью на любезность.

Кто-нибудь из многочисленной купеческой молодежи срывается из-за стола и бежит в дом. Там открывается окно, показывается в нем широкая пасть граммофонной трубы, и пока дьякон меняет пластинку, на площадь летят разудалые звуки „Ухаря купца“ или „Гейши“.

У купца граммофон значительно лучше.

Давно уж пригляделась и прислушалась деревня к диковинной заморской машине, и перестала сбегаться под окна купеческого или дьяконского дома. Площадь остается пустынной.

Но это не мешает ни дьякону, ни купеческой молодежи. Соревнование продолжается, пока купеческое семейство не напьется чаю и не разойдется по своим делам.

А по праздникам, после обедни, открывается окно в доме священника, и оттуда плывут величественные звуки какого-нибудь духовного концерта.

У священника граммофон только недавно куплен, совсем новый, пластинки свежие.

Дьякон и купец принимают вызов.

И часа два под ряд оглашается площадь попеременно „херувимскими“, комическими куплетами, маршами, хоровыми песнями, громогласными протодиаконскими многолетиями, оперными и опереточными ариями...

Из-за молоканки долетают отзвуки гармоники и бойкие отрывки частушек. Там деревенская молодежь веселится по своему.

Но деревенской интеллигенции не до нее. Они состязаются. Граммофоны смолкают только к обеду.

И батюшка, и дьякон, и купец с семейством довольны.

Задумчивые коровы на площади глубокомысленно слушают и медленно жуют жвачку...

П. Казанский.

